

ТВОРЕЦ СВОЕЙ ТЕНИ. СИНДРОМ ПИГМАЛИОНА

ШАН ДМИТРИЙ, ШАН ВЕРА

18+

Вера Шан
Дмитрий Шан
Творец своей тени.
Синдром Пигмалиона

<https://litres.ru/74607667>

SelfPub; 2026

Аннотация

Все мы любим прятаться от реальности, примеряя на себя чужие жизни со страниц книг. Но задумывались ли Вы когда-нибудь: что, если в этот самый момент кто-то другой примеряет Вашу?

Отто — писатель-затворник, отгородившийся от внешнего мира в своём особняке. С головой погрузившись в новую рукопись, он создаёт историю о скульпторе, одержимом идеей безупречного двойника. Отто уверен, что полностью контролирует сюжет. До тех пор, пока вымысел не начинает просачиваться сквозь черновик в реальность.

Я готов поведать Вам историю этого погружения в бездну. Но будьте осторожны, открывая эту книгу: иногда, читая о чужой жизни, можно не заметить, как потеряешь свою.

Содержание

«..Глава 2. Первые результаты трудов.	48
Глава 3. Следы чужого присутствия.	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Дмитрий Шан, Вера Шан

Творец своей тени.

Синдром Пигмалиона

«

Глава 1. Несовершенство оригинала.

Живая плоть всегда казалась Нилу Моду грубой, бракованной шуткой природы.

Люди, на его взгляд, были хаотичны. Их лица искажались под воздействием эмоций, покрывались сеткой асимметричных морщин, блестели от пота, дурно пахли и неотвратимо поддавались старению. Поэтому в его доме почти отсутствовали зеркала. Видеть, как собственная плоть неизбежно поддаётся времени, он не желал. Он признавал лишь ту красоту, которую можно было измерить, зафиксировать и уберечь от старения.

Человеческое тело представлялось ему нестабильной фабрикой по производству копий, и Нил испытывал к этому процессу глубокое, почти физиологическое отвращение.

Будучи мастером гиперреалистичных скульптур, он посвятил жизнь созданию идеальных людей. Людей, которые никогда не дышали.

Его двухэтажный особняк, стоявший в самом конце тупиковой улицы, был буквально перенаселён этими созданиями.

Манекены находились повсюду, заполняя пространство пугающей, застывшей массовкой. В одной только просторной гостиной их насчитывалось не менее двух десятков: изящные женские фигуры без лиц «сидели» на диванах, закинув ногу на ногу; мужские силуэты стояли у книжных шкафов и опирались на подоконники, словно гости на бесконечной, безмолвной вечеринке.

В длинном коридоре фигуры выстроились ровным строем. В полумраке эта недвижимая толпа могла бы свести с ума случайного обывателя, но для Нила они были единственной приемлемой компанией. Они не задавали неуместных вопросов, не нарушали идеальную тишину.

Иногда Нил брался за эксклюзивные частные заказы, но гораздо чаще творил, повинаясь исключительно собственному воображению, по крупицам собирая ту самую идеальную, угодную ему компанию. Впрочем, даже эти глубоко личные творения выкупались с пугающим энтузиазмом, не скупясь на баснословные суммы. Создание фигур давно перестало быть для него просто хобби. Это ремесло стало для Нила всем: смыслом существования, защитой от одиночества и неиссякаемым источником дохода, позволяющим ему и дальше поддерживать этот тихий, застывший рай.

Ранним утром Нил сидел за идеально чистым кухонным столом и медленно пил свежесваренный чёрный кофе. Массивные кованые решётки на окнах дарили ему чувство безопасности, отсекая его дом от внешнего хаоса. Никакого са-

хара и молока — только чистая, горькая эстетика, помогавшая окончательно отсечь всё лишнее и настроить разум на предстоящий день. Его мысли были полностью поглощены идеей создания нового творения, но он никак не мог нащупать ту самую изюминку, ту уникальную деталь, которая возвысила бы эту работу над всеми предыдущими. Фоном на кухне едва слышно бормотало радио, разбавляя тишину его укрытия.

Привычный покой дома внезапно нарушили два робких и один уверенный стук в дверь.

Нил замер с поднятой чашкой у самых губ. На его лице промелькнула тень раздражения. Не торопясь и не поддаваясь суете, Нил аккуратно опустил чашку на стол, спокойно поднялся и неспешным шагом направился в прихожую. Каждый его шаг был демонстрацией контроля — он принципиально не спешил на чужой зов, отказываясь впускать суету в свой дом.

Он никого не ждал. Нил совершенно не выносил присутствия посторонних в своей жизни. «Наверняка опять кто-то ошибся адресом, — подумал он, — или очередной торговец решил втюхать ненужную вещь, на которую другие, падкие на дешёвые уловки торгашей, набросились бы с жадностью».

Спокойно подойдя к двери, Нил нехотя её приоткрыл.

На пороге стоял мужчина лет 40 в слегка помятом пальто. Для хозяина дома его лицо представляло собой невыносимый сборник асимметричных погрешностей: неестественно

длинный нос, губы были искривлены неестественной улыбкой, а дыхание было слишком шумным, чтобы признать в нём приятного собеседника. Облик незнакомца насмеялся над самой идеей гармонии: голова была спрятана под чёрной кепкой, из-под тяжёлого пальто виднелась странная рубашка, а на ногах красовались истёртые кроссовки. В руках он держал огрызок карандаша, который беспокойно перебирал между пальцев, и мятый блокнот.

— Здравствуйте, очень рад, что застал Вас дома, — незнакомец без тени сомнения протянул руку, ошибочно думая, что Нил её пожмёт. — Я журналист! Пишу цикл статей об интересных людях разных городов. Мне очень рекомендовали пообщаться с Вами.

— Вам дали дурной совет, — с пренебрежением произнёс Нил, собираясь закрыть дверь. — Я не даю интервью.

Впускать этого потеющего, источающего запахи человека в свой идеальный мир хозяин дома совершенно не хотел. Нил начал плавно закрывать дверь, но журналист проявил неожиданную прыть, подставив в проём носок своего истёртого кроссовка.

— Подождите, пожалуйста! — торопливо заговорил гость, нервно перебирая пальцами огрызок карандаша. — Послушайте, я прекрасно знаю, кто Вы, мистер Мод. О Ваших работах ходят настоящие легенды. Мне рассказали, что Вы живёте здесь, в последнем доме на тупиковой улице. Я просто не мог упустить такой шанс и обязан был попытаться

ся пообщаться с Вами и увидеть Ваши творения своими глазами, — с неподдельным жаром признался журналист, продолжая пристально изучать Нила.

Просто закрыть дверь перед его носом было бы совсем неуместно — это могло спровоцировать лишний шум или повторные визиты. Расчёт, основанный на прошлом опыте, подсказывал Нилу: намного проще впустить чужака в дом и быстро ответить на ряд его глупых вопросов, чем стоять у открытой двери и ужасаться от вида случайных прохожих, подвергая своё убежище хаосу внешнего мира.

Отступив в сторону, он впустил незваного гостя.

Журналист перешагнул порог. С его истёртых кроссовок на безупречно чистый пол тут же посыпались ошмётки уличной грязи, оставляя отвратительные серые следы. Но гость этого даже не заметил — его взгляд сразу же устремился вглубь дома. Шаг его мгновенно оборвался. В пространстве коридора и просторной гостиной возвышались десятки застывших, безупречных фигур. Суетливость на лице гостя сменилась заворожённым трепетом.

— Невероятно... — выдохнул он, жадно разглядывая безмолвную массовку. — Могу я осмотреть дом? Увидеть остальные фигуры? Расскажите о Вашем творчестве. Откуда берёт начало Ваша страсть к творчеству? Каким было Ваше детство?

— Я вырос в пространстве, переполненном болезнями и неконтролируемыми эмоциями, — ровным тоном ответил

Нил. — Мои родители были обычными людьми, а значит — рабами своей физиологии и общества. Я день за днём наблюдал, как они стареют под тяжестью лет и собственных страстей. К тому же, их жизнь была ограничена социальными нормами и скучной рутинной. Именно тогда я понял, что живая природа в её естественном проявлении — это уродливая, бракованная ошибка. Мои же создания лишены этого изъяна. Они не подвержены старению и болезням. А самое прекрасное в них то, что они могут быть кем угодно.

— Но где Вы их создаёте? — Вдруг спросил гость, неугомонно озираясь по сторонам. Его цепкий, беспокойный взгляд скользил по обозримым уголкам жилища. — Должно быть, у Вас есть особое место, где соединяется вдохновение и мастерство?

— Моё творчество не терпит присутствия посторонних лиц и особенно спешки, — ответил Нил. — Моя мастерская — это моя личная, закрытая типография. Сердце этого дома бьётся под землёй. За этой тяжёлой дверью, которую Вы можете наблюдать из коридора, спрятан подвал, который я переделал в свою лабораторию. Именно там я ищу формулы, чтобы «переплёт» моих героев — их облик был неотличим от человеческого, но лишён изъянов. Там я прописываю их анатомию, выверяя каждую строчку, каждую деталь. Мои произведения рождаются в тишине и уединении.

Нил наблюдал за его реакцией, ожидая новых вопросов, но вместо этого журналист внезапно достал из кармана паль-

то небольшой фотоаппарат и нагло сделал несколько кадров, запечатлев Нила среди его застывших творений.

— Значит никаких лишних глав или испорченного финала? — произнёс он, медленно опуская камеру. — Каждая работа — безупречно завершённая история, которую время уже не сможет переписать. Скажите, каково это — осознавать себя единственным несовершенным черновиком среди этих произведений?

Его слова резанули Нила. Этот наглец смел указывать скульптору на его несовершенство перед лицом его же безупречных, застывших в вечности персонажей?

— Из какого Вы журнала?! — немного раздражённо и жёстко спросил Нил, готовясь выставить чужака вон.

Журналист запнулся. Вся его напускная проницательность мгновенно испарилась. Глаза суетливо забегали, словно он судорожно перебирал в голове картотеку наименований.

— Палата... палата... «Палата Искусств». Это новое региональное обозрение, — выдавил он наконец.

— Интервью окончено, никогда не слышал о таком издании и надеюсь, никогда не услышу, всего Вам хорошего! — Нил сделал шаг к двери, недвусмысленно указывая ему на выход.

Но вместо того чтобы подчиниться, незнакомец вдруг неловко потёр шею:

— Простите... В горле пересохло от волнения. Не могли

бы Вы дать мне стакан воды перед тем, как я уйду?

Его физиологические потребности вызывали отвращение. Бросив на него брезгливый взгляд, Нил развернулся и пошёл на кухню, оставив его ненадолго одного в ожидании.

Вернувшись, Нил застал его на том же месте. Журналист жадно, в три глотка осушил стакан и вернул пустую посудину.

— Спасибо за гостеприимство, — произнёс он и шагнул за порог.

Как только дверь захлопнулась, Нил провернул замки на все обороты, не желая больше никого видеть. Он вернулся на кухню и брезгливо опустил пустой стакан в раковину.

Но прежде чем он мог позволить себе хоть минуту покоя, ему предстояло ликвидировать последствия этого вторжения. Вооружившись чистящими средствами, Нил вернулся в коридор и с маниакальной тщательностью оттирал каждый ошмёток грязи, оставленный кроссовками незваного гостя, пока пол снова не засиял первозданной чистотой.

Только после этого, вымыв руки, Нил наконец вернулся к столу, желая допить свой уже остывший кофе.

Тёмная жидкость потеряла свой первозданный аромат, но её горечь сейчас была как нельзя кстати. Она помогала смыть послевкусие этого неожиданного визита. Нил сделал последний глоток, поставил чашку на стол и перевёл взгляд на раковину. Там стоял стакан, из которого недавно пил незванный гость.

На тонком стекле остались мутные отпечатки, сальные следы чужих пальцев. Нил испытал отвращение к предмету, который в его глазах стал испорченным. Взяв его кончиками пальцев за самый край, он брезгливо бросил стакан в мусорное ведро. Стекло глухо звякнуло. Для Нила такое решение казалось единственно правильным.

Слова писаки вновь пронеслись в его голове: «Единственным несовершенным черновиком среди произведений».

Эта фраза, словно заноза, не давала ему покоя. Он опёрся руками о столешницу и тяжело задышал. Внутри него пульсировало раздражение.

Как он смел? Этот потный мешок с костями, чьё дыхание сбивалось даже от короткого разговора в коридоре! — Возмущался он про себя, не находя покоя от услышанного.

Но вдруг вновь раздался стук в дверь...»

Вибрирующий звук. Резкий, дребезжащий, вонзающийся прямо в оголённые нервы.

Отто дёрнулся всем телом. Иллюзия мира Нила Моде развееалась, и реальность обрушилась на него всей своей тяжестью.

Он обнаружил себя сидящим за массивным дубовым столом в своём кабинете. В пальцах была намертво зажата перьевая ручка. На средний палец натекло густое чернильное пятно. Перед ним лежал раскрытый черновик, страницы которого были исписаны аккуратным почерком.

Вибрирующий звук повторился. Только это была не дверь.

На краю стола дрожал и надрывался сотовый телефон. Экран вспыхнул ослепительно белым светом, высвечивая имя: «Ван (Агент)». От своей вибрации аппарат едва сдвигался, ломая геометрию рабочего места.

Отто уставился на светящийся экран.

Телефон в очередной раз завибрировал и Отто начал отсчёт. Раз. Единица. Нечётное число. Нечётная скверна, уродливый обрубок. Единица была инвалидом в мире чисел. Единица вызывала глубокое, почти физиологическое отвращение. Она была как гнилой зуб. Как жирная клякса на белоснежном кафеле.

Отто завис над телефоном, нервно постукивая пальцами по столу, не смея отвечать на звонок, пока счёт не станет правильным.

Затем вибрация повторилась. Два. Двойка. Баланс. Симметрия.

Паника мгновенно отступила, сменившись коротким облегчением. Отто молниеносно схватил смартфон, пока проклятая тройка не успела разорвать этот хрупкий баланс, и нажал кнопку ответа.

— Алло, — прохрипел он, прижимая пластик к уху.

— Отто! Наконец-то, — раздался из динамика голос Вана. Голос звучал громко, суетливо, с той специфической, напористой интонацией прожжённого продавца, который привык дожимать клиентов. — Слушай, я знаю наш уговор. Я

не звонил тебе ни разу с того дня, как ты сказал, что у тебя появилась немыслимая идея. Я честно дал тебе время на погружение. Но пойми и меня...

— Я просил тишины, — отчеканил Отто.

— И ты её получил! Но время идёт, старина. Чтобы запустить рекламную кампанию, мне нужно понимать, что мы вообще продаём. Искусство требует промоушена, Отто! О чём книга? Дай мне хотя бы логлайн. Маркетологам нужна концепция. Что ты там пишешь?

Отто посмотрел на свои перепачканные чернилами пальцы. В его голове мгновенно всплыл образ Нила, холодного, расчётливого творца.

— Это история о скульпторе. — голос Отто стал спокойнее. — Он считает, что живая природа — это ошибка. Он создаёт идеальных людей. А затем... — писатель замялся.

— Что затем??? — затаил дыхание Ван, ожидая ответа.

— Затем происходит нечто, ломающее его. Я пока не хочу раскрывать детали и раскрывать всех карт.

На том конце провода повисла короткая пауза.

— Психологическая драма про эксцентричного художника-мизантропа, — задумчиво произнёс агент — Боже, Отто, это гениально. Издатели это съедят с потрохами. Немного театрально, но интересно... Ты снова превзошёл себя.

Отто скрипнул зубами.

— Театрально? Текст получается настолько живым, что он буквально превосходит реальность.

— Верю, старина, верю. Но меня пугает другое, — тон собеседника стал деловым, но в нём проскользнула тревога. — Твой голос. Ты звучишь так, будто горло сорвал. Хрипишь страшно.

— Я читал вслух. Проверял диалоги на ритмику. Предложения должны быть выверены.

— Отто, не начинай. — Мягко перебил Ван. — Давай я пришлю к тебе кого-нибудь с сиропом для горла и нормальной едой.

— Исключено, — мгновенно напрягся Отто. — Мне ничего не нужно. Никаких посторонних людей. Ты же знаешь...

— Я знаю твои... фобии... Улица для тебя рассадник заразы, и ты не выходишь за порог. Я не собираюсь нарушать твои границы. Давай сделаем так: я сам сейчас приеду. Бесконтактная доставка, как ты любишь. Я просто оставлю пакет на второй ступеньке твоего крыльца. Вторую, Отто. Чётное число. А ещё лучше просто приоткрою входную дверь, поставлю пакеты в коридоре, загляну внутрь, чтобы своими глазами увидеть, как ты себя чувствуешь, заодно гляну черновик... Буквально на секунду, дальше порога не зайду. Обещаю.

Отто застыл. Его зрачки сузились до размера булавочной головки.

«Приоткроеет дверь?!» — Эти слова сработали как катализатор.

В его воспалённом мозгу мгновенно вспыхнула картина:

рука поворачивает ручку и открывается дверь, через проём которой с улицы врывается неконтролируемый сквозняк. Воздух, полный уличной пыли, выхлопных газов, спор плесени и микробов, вторгается в его стерильную прихожую, оседая на мебели грязным невидимым слоем. Скверна. Хаос. Инфекция.

— НЕТ! — Выкрикнул Отто. Крик изодрал горло. — Нет! Не смей!

— Отто, успокойся! Я же сказал, я не зайду...

— Никаких открытых дверей! — возмущался писатель. Его колотило. Он начал маниакально протирать поверхность стола локтем своего свитера, пытаясь стереть невидимые следы чужого голоса, просочившиеся через динамик. — Тыпустишь уличный воздух! Ты нарушишь герметичность моего дома! Если ты приоткроешь дверь хоть на миллиметр, микробы поднимутся в воздух и отравят всё внутри!

— Отто... — хотел успокоить его Ван, но попытка оказалась бесполезной.

— Мой текст не выживет в грязи! Моя рукопись не терпит вторжений! Если тыпустишь сюда сквозняк с улицы, я сожгу всё! Слышишь?! Я уничтожу черновики, я сожгу себя вместе с этим домом!

В трубке повисла тяжёлая, густая тишина. Ван умел работать с гениями, он знал, как справляться с их причудами, но сейчас он слышал нечто большее, это было явное обострение ОКР. Он слышал искреннее, животное безумие.

— Хорошо. Хорошо, Отто, — очень медленно и тихо произнёс агент. — Никто не тронет твою дверь. Я остаюсь в офисе. Ты победил.

— Я отправлю рукопись, когда она будет завершена, — ледяным тоном ответил Отто, тяжело дыша. — И запомни. Больше не звони мне. Звонки только мешают.

Писатель не стал дожидаться ответа и сбросил вызов. Затем тщательно, до миллиметра, он выровнял телефон параллельно краю стола.

Связь была разорвана. Изоляция восстановлена. Два вызова за всю историю работы. Хотя бы чётное число.

Отто тяжело дышал, его ещё продолжало трясти. Мысль о внешнем мире вызвала приступ безумия. Он тяжело опёрся руками о стол и низко опустил голову, глядя себе под ноги. Ему нужно было отдышаться. Сосчитать до десяти. Выровнять пульс.

Но дыхание остановилось в лёгких. Там, на безупречно чистом, натёртом до блеска дубовом паркете, прямо возле его ботинка, виднелся след. Ошмётки засохшей уличной грязи сложились в грубый, ребристый отпечаток. Отвратительный, серый след. Точно такой же, какой он всего несколько абзацев назад заставил оставить чужака в своём черновике.

— Нет, — вновь потерял над собой контроль Отто, отшатываясь вместе со стулом. — Нет, нет, нет. Откуда он?!

След был реальным.

Паника ударила в его мозг с силой кувалды. След нужно было срочно стереть. Немедленно. В кладовке на первом этаже были чистящие средства и щётки.

Отто сорвался с места.

— Раз, два..., — зашептал он, делая нервные, выверенные шаги к двери кабинета. — Три, четыре, пять, шесть...

Он выбежал в коридор, маниакально следя за тем, чтобы ступать точно в центр паркетных досок.

— Семь, восемь.

Подойдя к лестнице, Отто замер на долю секунды, выравнявая дыхание, и поставил ногу на первую ступень. Предстоял счёт ступеней.

— Один, два..., — он начал спуск, вцепившись побелевшими пальцами в перила и приступив к отсчёту шагов. — Три, четыре. Пять, шесть...

Ритмичный счёт немного успокаивал мечущийся разум, но грязный след продолжал гореть перед мысленным взором.

— Девятнадцать, двадцать. Двадцать один... двадцать два.

Он коснулся пола первого этажа. Идеально. Ровно двадцать две ступени.

Отто развернулся и, возобновив счёт шагов, направился к кладовке. Распахнув дверцу, он схватил тряпки, бутылку с хлоркой и жёсткую щётку. Сжав их в руках, он бросился обратно вверх.

— Один, два..., — он тяжело ступал на каждую доску, задыхаясь от спешки, но маниакально соблюдая последова-

тельность. — Три, четы...

Вдруг Отто споткнулся, судорожно вцепившись свободной рукой в перила, чтобы не рухнуть назад. Бутылка с химией булькнула.

Сердце оборвалось. Ритуал испорчен.

Продолжать было категорически нельзя. Сдавленно зарывав от бессильной ярости на самого себя, Отто развернулся и послушно спустился обратно на первый этаж.

Он встал перед нижней ступенью. Грязный след там, наверху, жёг его сознание, время уходило, но он заставил себя замереть на несколько драгоценных секунд, чтобы выровнять сбившееся дыхание и вернуть пульсу правильный такт.

— Один, два..., — начал он заново, жёстко, всей стопой впечатывая шаг в каждую ступень. — Три, четыре. Пять, шесть...

Наконец он поднялся на второй этаж.

— Двадцать один, двадцать два!

Ворвавшись в кабинет, он рухнул на колени прямо перед мерзким следом. Отто дрожащими руками свернул крышку и щедро плеснул едкой жидкостью на паркет.

Резкий химический запах ударил в нос, но Отто словно не замечал этого.

— Раз, два, — бормотал он, яростно втирая щётку в дерево. Движения были рублеными, строго по два рывка. — Раз, два! Раз, два!

Он тёр пятно, будто это какая-то мировая проблема, тре-

бующая немедленного решения. Химия пенилась, выводя след.

— Чисто... должно быть идеально чисто... — хрипел он, не останавливаясь ни на секунду.

Лишь когда от следа не осталось ничего, к нему вернулось подобие контроля. Тяжело дыша, Отто насухо вытер паркет. Химию и щётку он педантично убрал на место. Грязную тряпку бросил в отдельный пакет, затянул его на два узла и опустил в мусорное ведро.

Затем Отто направился к раковине. Включив обжигающе горячую воду, он взял кусок антибактериального мыла и начал намыливать кисти.

— Раз, два, три, четыре, — зашептал он, с остервенением растирая кожу. Он методично и упорно промывал каждый палец, счищая невидимые остатки грязи и химии, пока кожа рук не приобрела болезненный красный оттенок. Ополоснув руки ровно четыре раза, Отто насухо вытер их чистым полотенцем.

Чистота была восстановлена.

Единственным спасением от этого мира было возвращение к тексту. В мире Нила он был всемогущим. Там он контролировал всё.

Он опустился на стул, взял перьевую ручку, обмакнул перо в чернильницу, склонился над страницами и, чувствуя, как его пульс замедляется, обретая ровный, чётный ритм, продолжил выводить слова:

«...Но вдруг вновь раздался стук в дверь.

Этот наглец решил испортить мне весь день своими визитами, — подумал Нил — если он продолжит задавать свои глупые вопросы, то я буду вынужден...

Нил вновь провернул замок и распахнул входную дверь.

На крыльце никого не было. Улица была пуста и спокойна. А прямо на пороге лежал длинный деревянный ящик.

Скульптор опустил холодный взгляд на посылку. На шероховатом дереве не было ни почтовых штампов, ни обратного адреса, ни имени отправителя — только его собственный адрес.

Нил искренне не любил сюрпризов, предпочитая предсказуемость.

Затянув ящик за порог в прихожую, он раскрыл боковые замки ящика, приподняв деревянную створку. Внутри находился кокон из крафтовой бумаги, а сверху лежала записка: «Вашим куклам не хватало идеального стержня. Подарок от анонимного поклонника. Превзойдите себя, мистер Мод».

Нил аккуратно отложил узкий клочок плотной бумаги. Его взгляд немедленно вернулся к содержимому ящика. Под слоями шуршащей крафтовой бумаги скрывался каркас для ростовой скульптуры. Это была не обычная основа из ПВХ, которую он привычно использовал в качестве базовых опор. То, что лежало перед ним, было подобно скелету, высеченному из дерева, но структура которого не была похожа на известные ему породы. Материал имел насыщенный, почти

чёрный цвет и казался невероятно твёрдым.

Неизвестный даритель выточил каждую деталь с ювелирной точностью. Суставы были скреплены скрытыми штифтами, которые двигались совершенно бесшумно. Нил осторожно приподнял «руку» деревянного скелета — она согнулась в локте с поразительной плавностью.

Оставив ящик и упаковочную бумагу в прихожей, которые он решил убрать позже, Нил аккуратно поднял каркас и понёс его к двери, ведущей в подвал. На удивление, скелет оказался куда легче, чем выглядел на первый взгляд. Глубокий, угольно-чёрный цвет и обманчивая монолитность материала предполагали вес хорошего морёного дуба, но в руках Нила конструкция ощущалась парадоксально лёгкой.

Весь последний год он работал над улучшенной формулой для своих фигур и теперь у него была превосходная основа для заливки.

Спустившись в лабораторию, он бережно уложил подарок на рабочую поверхность.

В последние месяцы он чувствовал некую творческую стагнацию. Его манекены — изящные, бесстрастные — были безупречны как изделия, но они оставались лишь безликими проекциями. Нил часами простаивал в гостиной, наблюдая за своими творениями, и осознавал: чего-то не хватает. Этим фигурам словно не хватало той неуловимой глубины, которая отличает живое существо от простого неодушевлённого предмета.

Совершенному стержню требовалась поистине грандиозная оболочка. Слова из записки пульсировали в его сознании ровным, гипнотическим ритмом: «Превзойдите себя».

Тогда появилась пугающая по своей простоте мысль. Если он стремится к абсолютному совершенству, то лучшим фундаментом, самым филигранным образцом анатомии является его собственное тело. Но не в его нынешнем, тленном состоянии, подверженном биологическому распаду, а в той очищенной, идеализированной версии, которую он хранил в своём воображении.

Маэстро решил увековечить самого себя — не как человека, а как эстетический идеал.

Это не было проявлением тщеславия. Он презирал собственное «я» так же сильно, как и любое другое человеческое существо. Нил смотрел на задачу, как на хирургическую операцию: нужно взять живое, несовершенное полотно и иссечь из него всё «лишнее». Морщины, следы усталости, микроскопические асимметрии — всё это было для него не просто особенностями внешности, а визуальным мусором, «скверной времени», которую он обязан был отфильтровать.

Он осознал, что создание двойника — это не просто лепка, это акт реставрации его собственного существования. Он станет своим собственным памятником, избавившись от оков физиологии.

Так, впервые в жизни, Нил принял решение: он больше не будет творцом, подглядывающим за миром. Он сам ста-

нет прототипом. Его собственное лицо, доведённое до совершенства, должно было стать той единственной «гранд-формой», в которой заключится истинный триумф его искусства. Нил создаст своего двойника — не для того, чтобы подражать жизни, а чтобы превзойти её, зафиксировав себя в моменте, где время теряет всякий смысл.

Подготовка заняла несколько изматывающих дней. Первым и самым опасным этапом стало создание лицевого слепка. Делать это в одиночку, без чьей-либо помощи, казалось безумием, но Нил не мог позволить чужим, дрожащим рукам прикоснуться к своему замыслу...

В ванной комнате он приступил к подготовке холста — собственного лица. Единственное зеркало во всём доме находилось именно здесь. Нил не смотрелся в него уже много лет, давно привыкнув бриться исключительно на ощупь, лишь бы не сталкиваться с личным отражением.

Но сейчас он заставил себя поднять глаза. Мастер начал пристально изучать себя, разглядывая свои черты так, будто видел их впервые за долгие годы.

Первой эмоцией, захлестнувшей Нила, стало странное, почти болезненное узнавание — словно он внезапно столкнулся со старым другом, которого избегал всё это время. В этих изломанных осколках мелькнуло нечто пугающе родное, заставившее сердце на секунду замереть. Но эта мимолётная искра близости мгновенно погасла, уступив место отращению.

Лицо «старого приятеля», смотревшее на него, оказалось безжалостно изъедено временем. Он судорожно выдохнул, глядя на глубокие, уродливые борозды, прорезавшие лицо от носа к губам. Не отдавая себе отчёта, он медленно поднял руку. Подушечка указательного пальца с силой вдавилась в глубокую складку. Нил провёл по ней снизу вверх, с остервенением оттягивая плоть, словно надеялся, что этот грубый след возраста можно просто смазать, как неудачный штрих на податливой глине. Но стоило ему убрать руку, как дряблая кожа тут же безвольно обвисла, возвращаясь на место.

Кожа под глазами истончилась, просвечивая болезненной синевой, а линия подбородка поплыла, предательски поддавшись тяжести прожитых лет. Нил обхватил челюсть, пытаясь натянуть кожу пальцами, вернуть лицу утраченную упругость, но живая ткань лишь жалко сминалась под его хваткой. Для Нила эта встреча была равносильна созерцанию того, как некогда близкий человек медленно гниёт заживо. Годы бесстыдно праздновали свой триумф на его собственном лице.

Стоило ему встретиться со своим взглядом, как в голове ядовитым эхом вновь всплыли недавние слова незваного гостя: «...Единственным несовершенным черновиком...»

Гнев вспыхнул бесконтрольно. Нил с силой ударил по стеклу. Раздался сухой хруст, и по зеркальному отражению разбежалась густая сеть трещин, словно серебристая паутина.

Тяжело дыша, Нил опёрся о раковину, сжимая её своими пальцами. Сердце в груди билось невыносимо сильно, удаляясь о рёбра, словно запертый в клетке зверь.

Успокоившись и набравшись терпения, которое всегда направляло его в работе, Нил вновь поднял взгляд на своё отражение, которое теперь уже искажала паутина трещин.

Сквозь отвращение и гнев начало проступать нечто иное, пугающее и глубоко противоречивое. Заворожённость. Нил медленно придвинулся ближе, его тёплое дыхание на мгновение затуманило стекло. В этом увядании, в этой бракованной маске из плоти скрывалась трагическая, почти гипнотическая уязвимость. Он смотрел в свои собственные глаза и вдруг почувствовал странную нежность к этому слабому, смертному существу.

Это был он. Уставший. Несовершенный. Обречённый на старение.

Именно сейчас, вглядываясь в морщины, Нил ощутил странное ощущение триумфа. Эта дряблая, пористая кожа больше не казалась ему просто «скверной» — она была грубой породой, из которой он высечет абсолют. Скульптор почувствовал себя одновременно и жертвой жестокой природы, вызывающей острую жалость, и всемогущим спасителем, способным эту природу отменить. Ему было противно собственное отражение, но он не мог оторвать от него глаз, упираясь осознанием того, что скоро навсегда сотрёт эту слабость.

Его губы дрогнули в подобии улыбки, отчего лицо искажилось в отражении ещё сильнее, превратившись в жалкую гримасу.

Пора было очистить холст.

Острым лезвием он методично сбрил всю растительность на голове, а затем безжалостно снёс брови. Ресницы и кромки век он густо залепил плотным слоем вазелина. Лицо, смотревшее на него в отражениях зеркал, стало гладким и пугающе инопланетным.

Затем он плотно забил слуховые каналы восковыми тампонами, временно лишая себя слуха. Тишина мгновенно изолировала его от внешнего мира, оставив наедине с собственным пульсом. Тщательно смазав кожу вазелином, Нил вставил в ноздри две короткие пластиковые трубки. Дышать стало тяжелее, воздух входил со свистом. Замешав в ведре силиконовую массу для слепков, он лёг на холодный кафельный пол. У него было не так много времени до того, как полимер начнёт необратимо застывать.

Действуя вслепую, Нил начал зачерпывать густую, ледяную массу и наносить её на лицо.

Зрение исчезло мгновенно, стоило тяжёлым, ледяным шлепкам силикона придавить веки. Мир поглотила крошечная темнота. Остался лишь сковавший кожу влажный холод и оглушительно громкий свист собственного дыхания через пластиковые трубки.

Пальцы Нила, обладавшие превосходной мышечной па-

мятью скульптора, работали быстро и безошибочно. Сейчас его целью была передняя полусфера головы — создание идеальной лицевой маски. Действуя вслепую, он скрупулёзно распределял вязкую массу, спускаясь от гладкого выбритого лба вниз.

Границы слепка требовали предельного контроля. Он знал: стоит материалу затечь дальше положенного, как образуется так называемый обратный угол — «анатомический замок». Это превратило бы застывающую форму в капкан, который намертво сковал бы его череп, заперев скульптора наедине с собственным одиночеством.

Убедившись, что полимер ровным слоем покрыл нужную лицевую площадь, Нил нащупал заранее нарезанные бинты, пропитанные гипсом, пригладил их поверх скользкого слоя, формируя внешний жёсткий панцирь, повторяющий фронтальные контуры его лица.

После Нил опустил руки и начал ждать.

Когда гипс превратился в камень, он зацепил края жёсткой формы и начал медленно стягивать с лица слепок. Изнутри каменной раковины на него смотрело безжизненное отражение — негатив его собственного лица.

Но это было лишь началом. Ему предстояло пройти через серию изнурительных процедур, которые растянулись на несколько дней.

Создание полноростовой матрицы в одиночку граничило с техническим безумием. Нил разделил своё тело на анато-

мические сектора, методично превращая живую плоть в набор фрагментарных слепков. Каждое утро начиналось с тщательного бритья тела — ни один волосок не должен был нарушить совершенную гладкость будущей формы. Затем следовала попытка холодом и неподвижностью.

Он покрывал свои руки, торс и ноги густыми слоями формовочного силикона. Когда масса стягивая кожу подобно ледяному панцирю, он накладывал поверх армирующий слой из гипсовых бинтов. Ему приходилось часами застывать в неестественных, напряжённых позах, балансируя на грани мышечного спазма, пока материалы каменели. Для спины он использовал заранее подготовленную ванну с материалом, в которой ему оставалось только аккуратно расположиться.

Освобождение из этих сковывающих коконов каждый раз превращалось в пытку. Но пережитые неудобства и усталость мгновенно отступали на второй план, когда он смотрел на эти разрозненные гипсовые черепицы своего тела, предвкушая результат своих трудов. Каждый оттиск приближал его к задуманной цели.

Полученные слепки были лишь сырой, черновой формой. Они с пугающей, безжалостной точностью зафиксировали каждую морщину, каждую пору и каждую микроскопическую складку его увядающего тела.

Когда все оттиски были готовы, Нил приступил к сборке чернового двойника. Он действовал методично. Сначала он соединил слепки в отдельные матрицы торса, головы и ко-

нечностей. Затем разогрел тугоплавкий скульптурный воск и, взяв кисть, начал тщательно промазывать горячей массой их внутренние поверхности, чтобы каждая складка с точностью отпечаталась на будущей фигуре. Потом он влил внутрь ещё немного жидкого воска и стал медленно вращать формы, чтобы расплавленная масса равномерно растекалась по стенкам. Слой за слоем он наращивал толщину будущей искусственной плоти, пока воск не застыл окончательно.

Подготовив все фрагменты, скульптор взялся за их сборку. Основой служил прочный стальной стержень, жёстко закреплённый на тяжёлой подставке. На этот временный каркас он установил и надёжно скрепил между собой подготовленные матрицы. Чтобы придать пустотелой конструкции жёсткость, Нил залил во внутреннее пространство специальную пену через заранее подготовленные отверстия.

Когда все компоненты окончательно застыли, он принялся освобождать заготовку. Нил расколол внешние гипсовые стяжки и снял панцирь, обнажив воскового двойника.

Собранный двойник, словно парящий в воздухе на своей невидимой стальной оси, возвышался перед ним в центре лаборатории — такой же несовершенный, уставший и постаревший, как и оригинал. Именно теперь началась настоящая хирургия.

Вооружившись лупой и необходимым инструментом, Нил часами кружил вокруг восковой фигуры. Он работал с ней как одержимый спаситель. Он плавил и разглаживал глубо-

кие носогубные складки, навсегда стирая следы возраста. Он срезал асимметрию скул, возвращал чёткость линии подбородка и доводил текстуру восковой кожи до совершенства. Нил буквально вырезал из своего двойника всю человеческую слабость, не признавая компромиссов.

Но при всей своей одержимости Нил никогда не работал сутками напролёт. Лихорадочный, бесконтрольный труд он считал проявлением анархии, свойственным лишь нестабильным натурам.

Его расписание оставалось неизменным: работе отводилось только утро и первая половина дня. Как бы сильно ему ни хотелось продолжать трудиться, ровно в четыре часа дня Нил педантично прерывал работу. Он возвращался наверх, смывал с себя усталость под горячим душем, после чего уделял время уходу за манекенами и предавался молчаливому вечернему досугу. Этот строгий лимит времени был его способом удерживать контроль над реальностью.

Особое внимание мастер уделил группе из восьми исторических манекенов, плотно стоящих у дальней стены гостевой комнаты. Через две недели его дом должен был частично опустеть — эта партия предназначалась для крупного городского музея. Представители галереи должны были забрать, предварительно оплатив солидный остаток по контракту. Нил относился к этому событию с расчётливым спокойствием: изъятие фигур временно нарушит выверенную геометрию его дома, но одновременно с этим освободит про-

странство для новых, ещё более совершенных работ. Каждое прикосновение салфетки к гладкой, искусственной коже приносило ему успокоение. Манекены были идеальны. Они всегда оставались неизменными.

К концу этой изнурительной череды дней Нил добился своего. Восковая фигура перед ним стала безупречной. Идеализированная версия его самого.

Теперь Нилу предстояло создать финальный саркофаг, сконструировать внешний жёсткий каркас для финальной заливки.

Он покрыл заготовку слоями силикона. А затем, слой за слоем, принялся укладывать листы стекловолокна. Он тщательно выверял швы, доводя конструкцию до совершенства. Две колоссальные створки стекловолоконной формы — передняя и задняя — медленно обретали свои окончательные очертания.

Настал день заливки.

Десятки килограммов платинового силикона нельзя было просто влить в форму — запертый воздух неминуемо изуродовал бы лицо и фаланги пальцев кратерами пузырей. Процесс вновь требовал хирургической точности.

Тяжёлые створки стекловолоконной формы лежали горизонтально, как раскрытая раковина огромного моллюска. Нил подошёл к весам. В ведре он соединил прозрачный компонент «А» и вязкий компонент «Б», добавив базовый телесный пигмент и крошечную щепотку красного флока —

микроскопические ворсинки должны были создать в толще полимера иллюзию капиллярной сетки.

Он поместил ведро в вакуумную камеру для дегазации силикона и нажал кнопку. Насос загудел. Через толстое стекло Нил наблюдал, как розовая масса поднялась, закипая крупными пузырями, а затем, когда весь газ вышел, резко опала, став однородной.

Вооружившись широкой кистью, Нил начал втирать вязкую массу во внутренний рельеф матрицы. Он тщательно промазывал каждую складочку, создавая идеальный «кожный» слой, лишённый малейшего изъяна.

Когда полимер схватился, превратившись в упругую липкую мембрану, Нил перешёл к подаренному каркасу. Он не должен был касаться нежной искусственной кожи — иначе суставы неминуемо прорвали бы её изнутри. Чтобы этого избежать, Нил закрепил на лопатках, пятках и затылке тёмного скелета отлитые заранее кубики из точно такого же розового силикона — проставки.

Используя потолочную лебёдку, он аккуратно опустил каркас на заднюю створку формы. Скелет упёрся мягкими силиконовыми опорами, он словно парил над оболочкой. Каркас нигде не соприкасался с поверхностью матрицы.

Именно в эту секунду, глядя на тёмные, изящно изогнутые деревянные рёбра, парящие внутри розового саркофага, Нил замер.

Пустота. Бессмысленная пустота под рёберными дугами и

в тазовой чаше деревянного скелета внезапно резанула его взгляд. Неизвестный даритель выточил каркас с такой пугающей анатомической точностью, что залить этот костяк сплошным монолитом означало бы создать фальшивку. Идеальному телу требовалась идеальная архитектура.

Нил отступил от матрицы. Он поднялся на первый этаж, в заваленную материалами кладовку, где у него хранились медицинские атласы и профессиональные анатомические слепки — база для совершенства.

Используя их как эталон, следующие три дня Нил превращал анатомию в чистую химию. Он не мог допустить, чтобы внутри его идеального двойника находился грубый, однородный блок полимера. Каждая деталь должна была соответствовать своему предназначению по размеру, плотности и тактильному отклику.

В своей лаборатории Нил развернул производство совершенных внутренних органов, подбирая для каждого свой уникальный композит.

Когда набор неподвластных времени органов был готов, Нил приступил к укладке. Это напоминало акт бальзамирования, только наоборот.

Он бережно поместил мягкие полиуретановые лёгкие в тёмную деревянную клетку рёбер. Между ними аккуратно уложил полимерное сердце, зафиксировав его тонкими скрытыми штифтами. В тазовую чашу и брюшную полость легли тяжёлые копии органов пищеварения. Каждый эле-

мент занял своё строго отведённое место. Тёмный деревянный силуэт теперь хранил в себе совершенную, не подверженную старению анатомию.

Затем Нил накрыл конструкцию передней половиной формы, намертво стянул саркофаг и повернул кокон в вертикальное положение.

Теперь оставалось залить внутреннее ядро. Мастер замешивал силикон партиями, дегазировал их в вакууме и аккуратно вливал густую массу в верхнее технологическое отверстие. Полимер проваливался в темноту формы с тихим, влажным чавканьем, обволакивая деревянные кости и внутренности.

Когда розовый силикон показался в краях заливного отверстия на макушке, Нил остановился. Процесс был завершён. Внутри стального саркофага, в густой химической тьме, загадочный каркас был навсегда похоронен в идеальной копии его собственного тела.

Нил снял респиратор, педантично протёр инструменты и щёлкнул выключателем. Подвал погрузился во мрак.

Он поднялся по лестнице на первый этаж, в свой тихий, выверенный мир.

Проходя по дому, Нил медленно осматривал десятки фигур, застывших в его доме. Каждая из них являлась не просто его произведением, а особенным творением, воплощавшим долго вынашиваемую им идею. Это были уникальные произведения искусства: в изгиб каждой застывшей кисти,

во взгляд, в мимику лица Нил закладывал особый, сокровенный смысл.

Каждая фигура несла в себе зашифрованную загадку, немое философское послание, которое будущим владельцам его работ ещё только предстояло отгадать со временем. Мысль о том, что люди будут вглядываться в его скульптуры, пытаясь распутать заложенный в них смысл своих идей, доставляла ему противоречивое удовольствие.

Всё было на своих местах. Идеальный порядок.

Оставшийся день Нила протекал по неизменному расписанию, где не было места спонтанности и случайностям. Душ после работы всегда был обязательным ритуалом. Тщательно смыв с себя невидимые следы химикатов, он отправился на кухню.

Нил презирал сетевые супермаркеты с их суетой и скоплением людей. Уже много лет он пользовался услугами одного и того же магазинчика. Он принадлежал пожилой супружеской паре, которая давно привыкла к странностям своего постоянного клиента. И хотя их магазин не был частью крупной сети, в нём всегда находилось всё необходимое для жизни Нила, а продукты неизменно отличались безупречным качеством.

Раз в неделю Нил звонил в продуктовый, диктуя строгий список: отборное мясо, свежая рыба, овощи, средства личной гигиены и иные товары, если такие требовались. Оплата покупок осуществлялась банковским переводом, всегда до-

бавляя щедрую сумму за точное следование его правилам.

Процесс доставки соблюдался по привычным правилам: курьер выгружал заказы на специальный стеллаж перед домом, давал два длинных, протяжных звонка в дверь — сигнал, что продукты нужно забрать, пока они не испортились на открытом воздухе, — и тут же уезжал. Никаких встреч. Никаких лишних слов.

И хотя ингредиенты всегда были отменными, его обед напоминал скорее приём необходимого биологического топлива, чем наслаждение кулинарным процессом: правильные порции, намеренно лишённые ярко выраженных специй и резких запахов, поглощались им в полной тишине.

Остаток дня традиционно отводился уходу за манекенами. Нил медленно обходил свои владения, словно заботливый, но строгий смотритель музея. В гостиной он смахнул пылинки с плеч сидящих фигур, в коридоре — педантично выравнивал строй застывших силуэтов.

Ужин прошёл так же размеренно и тихо. Вымыв и насухо вытерев посуду, Нил перешёл к заключительной части своего вечера в небольшом кабинете на втором этаже.

Он сидел за массивным столом, изучая каталоги новых синтетических полимеров и химических растворителей. Фоном тихо играла классическая музыка.

Ровно в двадцать два ноль-ноль Нил закрыл каталог. Он совершил финальный обход: проверил замки на входной двери и плотно задёрнул шторы, отрезая дом от света улич-

ных фонарей.

Убедившись, что внешний мир надёжно заперт снаружи, Нил лёг в постель. Сон накрыл его мгновенно — глубокий, ровный и совершенно лишённый сновидений. Он был абсолютно уверен в том, что завтрашний день будет таким же безупречным и предсказуемым...»

Пальцы Отто, сведённые от многочасового напряжения, неохотно разжали перьевую ручку. Тупая, ноющая боль пульсировала в основании шеи, стягивая затылок тугим обрубком. Глаза пересохли, словно в них насыпали мелкого песка. Текст вытянул из него все жизненные силы, однако результат того стоил. Мир Нила Моде родился на свет, вытесняя собой несовершенную реальность.

День был окончен. Но Отто не мог просто встать и уйти. Прежде чем покинуть рабочее место, ему жизненно необходимо было завершить свой собственный ритуал.

Он аккуратно положил ручку, придвинул к ней черновик. Затем Отто прищурился и начал выравнивать предметы. Тетрадь, перо и хрустальная чернильница должны были образовать идеальный, геометрически безупречный прямоугольник. Он осторожно сдвинул чернильницу чуть влево. Расстояние от края стола до обреза черновика теперь составляло ровно ширину его ладони. Расстояние от черновика до золотого пера — строго толщину указательного пальца.

Симметрия восстановлена.

Удовлетворённо кивнув самому себе, он опустил руки к ящикам стола. Отто методично выдвигал и задвигал их один за другим, с замиранием сердца вслушиваясь в механизмы, дожидаясь едва уловимого, глухого щелчка фиксаторов.

Щёлк. Щёлк.

Эта болезненная педантичность не была простой прихотью — контролируя расположение вещей, ему казалось, что он контролировал саму жизнь.

Отто тяжело поднялся с кресла. Взявшись за спинку обеими руками, он задвинул его под стол, маниакально следя за тем, чтобы спинка коснулась края стола.

Он замер, окинув кабинет долгим, цепким взглядом. Ни один предмет не нарушал строгую геометрию пространства. Комната была успешно доведена до странного совершенства.

Ощущая, как от голода сводит пустой желудок, он развернулся и, соблюдая свои ритуалы, направился на кухню.

Отто подошёл к кухонной раковине, включил воду и дважды нажал на дозатор антибактериального мыла.

— Раз, два, три, четыре, — монотонно забормотал он, растирая пену.

Он маниакально массировал пальцы рук, убеждая себя в достаточной чистоте рук. Ополоснув их чётное количество раз, писатель насухо вытерся чистым бумажным полотенцем.

Только теперь можно было приступить к приёму пищи.

Отто сделал шаг в сторону холодильника, но внезапно за-

мер. Его взгляд приковал свёрнутый кольцами моток прозрачной лески, к которому были привязаны несколько детских погремушек. Сюрприз лежал прямо на краю раковины. Он смотрел на находку, отчаянно пытаясь найти рациональное объяснение. Отто совершенно не помнил, чтобы покупал или приносил сюда нечто подобное. Всё это было странно. Очень странно.

«Неужели я сам вытащил этот хлам из старых коробок, но когда?» – обдумывал Отто.

Решив не поддаваться панике и просто выкинуть это, Отто оторвал от рулона кусок бумажного полотенца. Брезгливо сгрёб леску с бубенцами в один комок, подошёл к мусорному ведру и без колебаний сбросил странную находку внутрь, избавляя себя от лишних переживаний. Ощущая на коже фантомную грязь, Отто вернулся к раковине и повторил процедуру мытья от начала и до конца. Только после этого он подошёл к холодильнику.

Полуфабрикаты давно стали основой его рациона, полностью вытеснив процесс готовки. Фабричная вакуумная упаковка гарантировала герметичность и безопасность. Никакой непредсказуемости сырых продуктов.

Отто окинул взглядом ряды одинаковых коробок, выстроенным строго по алфавиту. Он достал лоток с замороженной мясной лазаньей, привычным движением сорвал защитную плёнку и отправил его в микроволновую печь.

Нажав на сенсорной панели ровно четыре раза, на табло

послушно высветились цифры: 2:00. Сто двадцать секунд. Чётное время. Раздался писк, и низкий, монотонный гул печи развеивал одиночество дома.

Он достал из ящика плотную тканевую салфетку графитового цвета и расстелил её на кухонном столе, тщательно разглаживая ладонями невидимые складки. Затем достал столовые приборы. Стальная вилка легла строго слева, нож — справа. Отто слегка присел, опуская глаза на уровень столешницы, чтобы проверить симметрию: концы рукояток находились на одной линии, параллельно краю стола, на расстоянии ровно двух фаланг пальца.

Гул микроволновки продолжался. Оставшись без спасительной работы, Отто судорожно вздохнул и опустил чистую руку в глубокий карман своего домашнего кардигана.

Его пальцы нащупали знакомые жёсткие грани кубика Рубика, который он привычно достал из кармана.

Для Отто это давно перестало быть игрой. Кубик был его карманным, механическим транквилизатором. Мельком окинув расположение пёстрых квадратов, он перевёл взгляд на вращающуюся в печи еду. Пальцы сами начали искать разгадку головоломки.

Хрусь. Хрусь-хрусь.

Треск пластика вплетался в гудение микроволновки. Движения Отто были ритмичными — строго по два поворота за раз. Он не думал о формулах — мышечная память сама загоняла пёстрый узор в единую палитру граней.

Как только каждой стороне кубика стал принадлежать свой цвет, он тут же свернул слои, разрушая созданный идеал и снова превращая его в пёструю бессмыслицу.

Только для того, чтобы начать собирать всё заново.

Хрусь-хрусь-хрусь.

Этот звук заземлял его, не давая сознанию сорваться в панику. Он крутил грани всё быстрее, пока на табло микроволновки не загорелись спасительные нули, издав ровно два громких сигнала.

Пальцы Отто замерли, совершив последний, чётный поворот. Кубик Рубика вновь стал идеальным. Отто сунул его обратно в карман кардигана и подошёл к печи. Достав горячий пластиковый лоток, он аккуратно поставил его в самый центр графитовой салфетки, строго между вилкой и ножом.

Он ел механически. Отрезать ровный кусок, отправить в рот, пережевать ровно двенадцать раз.

Покончив с едой и ополоснув приборы, Отто направился в ванную.

Он встал под упругие струи горячего душа. Вода обжигала кожу. Он не просто принимал душ — он проводил процедуру очищения. Отто методично и упорно тёр кожу, смывая с себя фантомное ощущение въевшейся грязи.

Выйдя из кабины, Отто накинул халат и подошёл к раковине. Провёл полотенцем по запотевшему зеркалу, стирая конденсат, и поднял взгляд и начал всматриваться в своё уставшее, осунувшееся лицо.

Раздался резкий хруст.

На протёртом отражении, прямо на глазах Отто, по глади зеркала сверху вниз побежала глубокая трещина. Она со стекляннным треском разделилась надвое, затем на четыре, и в мгновение ока покрыла всю поверхность густой паутиной. Отражение Отто разбилось на десятки осколков.

Отто отшатнулся, едва не поскользнувшись на мокром полу. Это было невозможно.

Треск расколотого зеркала сработал как спусковой крючок. Ужас в одно мгновение выжег рассудок. Он выскочил из ванной, готовый сорваться на бег, но собственное безумие оказалось сильнее. Невидимые цепи выверенных правил сковали тело мёртвой хваткой. Въевшийся в уклад жизни ритуал встал поперёк горла, перекрывая кислород инстинкту самосохранения. Задыхаясь от паники, Отто резко затормозил перед лестницей. Он судорожно вцепился в перила и заставил себя начать счёт ступеней.

— Два... четыре... шесть... — забормотал он дрожащим, срывающимся шёпотом, отмеряя только чётные числа.

Он тяжело дышал, путался в полах халата, его влажные ступни скользили по дереву, а воспалённый мозг отчаянно пытался удержать ритм шагов. Этот конфликт между желанием бежать и необходимостью считать сводил с ума, превращая подъём в пытку.

Двадцать два.

Ворвавшись в кабинет, Отто бросился к столу и схва-

тил черновик. Дрожащие пальцы судорожно заскользили по страницам, пока не нашли свежий текст.

Глаза забегали по строкам, написанным его же почерком пару часов назад: «...*Нил с силой ударил по стеклу. Раздался сухой хруст, и по зеркальному отражению разбежалась густая сеть трещин...*»

Рукопись выпала из ослабевших рук на стол.

— Этого не может быть, — прошептал Отто. — Текст не может влиять на реальность. Галлюцинации. Психоз.

И тут в его голове появилось осознание: лекарства. В своей одержимости Нилом и рукописью он сегодня ни разу не открыл аптечку. Он пропустил дневные дозы препаратов.

Сопротивляясь панике, Отто вернул черновик на место и бросился обратно на первый этаж, к кухонному шкафчику. Он вытряхнул на дрожащую ладонь целую горсть таблеток: привычные витамины, БАДы, иммунные, успокоительное, снотворное и прочие препараты.

Он закинул их в рот разом, едва не подавившись. Схватив чистый стеклянный стакан, он плеснул в него воды и жадно запил. Руки тряслись так сильно, что вода расплескалась через край, стекая по подбородку на воротник халата. Ему нужно было срочно успокоить мозг, пока тот не выдумал новых чудовищ.

Выключив свет, Отто поднялся в спальню. Он забрался под одеяло, свернувшись в позу эмбриона. Тьма давила.

Химии требовалось время, чтобы подействовать. Чтобы

не сойти с ума в ожидании, Отто сунул руку в карман брошенного на стул кардигана и достал кубик Рубика.

В темноте спальни раздался тихий, ритмичный звук.

Хрусь. Хрусь-хрусь.

Отто крутил грани вслепую безостановочно. Его пальцы ломали и собирали пластиковую головоломку, отчаянно цепляясь за этот звук, пока тяжёлые седативные наконец не утянули его в глухую, чёрную пустоту.

Пробуждение было тяжёлым, Отто с трудом открыл глаза. Он повернул голову: электронные часы на прикроватной тумбе показывали ровно 10:00. Идеальное время.

Он попытался перевернуться на спину и почувствовал, как в рёбра впился твёрдый пластиковый угол. Пошарив рукой в смятых простынях, Отто извлёк кубик Рубика. Замысловатый узор граней застыл в хаотичном беспорядке — вчера он уснул, так и не успев закончить сборку. Отто отложил свой успокоитель на ту же тумбу, где стояли часы и медленно сел на краю кровати, растирая лицо ладонями.

Нужно было умыться.

Отто встал и, шаркая ногами по паркету, направился в ванную комнату на первом этаже. Шаг за шагом. Он спускался по лестнице, привычно шевеля пересохшими губами.
— Два... четыре... шесть... Двадцать два.

Он толкнул дверь ванной, включил свет и замер на пороге. Вчерашний кошмар не исчез. Огромное зеркало над раковиной было изуродовано густой, глубокой паутиной трещин.

— Это не было галлюцинацией. Стекло действительно лопнуло. — Прошептал Отто, озирая образовавшуюся паутину.

Но сейчас писатель смотрел на это иначе.

Всего лишь случайное давление, — прозвучало оправдание произошедшему. — Вчера я слишком сильно прижал полотенце к стеклу, когда стирал конденсат. Одно неосторожное, слишком сильное нажатие — и хрупкая поверхность дала слабину. Вот и всё. Никакой мистики.

Отто кивнул самому себе, принимая это объяснение как единственно верное. Замена зеркала означала бы впустить в дом посторонних. Сейчас допустить этого он не мог. Придётся жить с трещинами.

Стараясь не фокусировать взгляд на своём раздробленном отражении, Отто умылся и отправился завтракать.

Кухня встретила его без неожиданных сюрпризов. Отто подошёл к шкафчику с медикаментами, достал органайзер и выложил на ладонь утреннюю дозу препаратов, запил их стаканом фильтрованной воды.

Завтрак был таким же выверенным, как вчерашний ужин. Отто достал два ломтика хлеба, опустил их в тостер и нажал рычаг. Пока хлеб поджаривался, он заварил чашку кофе.

Дождавшись, когда тосты выскочат, он намазал их вареньем и принялся завтракать. Окончив короткий ритуал, Отто вымыл чашку, сполоснул её чётное количество раз и убрал на место. Собравшись с мыслями, он поднялся на второй

этаж. Книга звала его. В голове уже обростал сюжет для новой главы.

Отто выдвинул стул и медленно опустился на кожаное сиденье. Его спина автоматически выпрямилась, принимая рабочую осанку. Он придвинулся к столу, разместил кожаный переплёт перед собой и положил руки на поверхность по обе стороны от черновика, сделав глубокий вдох.

Несмотря на вчерашние сбои в реальности, Отто испытывал непреодолимую зависимость от этого процесса. Только там, за дубовым столом, склонившись над страницами черновика, он был настоящим творцом, контролирующим каждое действие. Если внешний мир и его собственный разум давали трещины, то мир Нила Мода оставался его единственным надёжным убежищем.

Вооружившись перьевой ручкой и откинув плотную обложку, Отто был готов вернуться в мир Нила.

«..Глава 2. Первые результаты трудов.

Утро началось ровно в шесть ноль-ноль. Пробуждение Нила было таким же механическим, как и вся его жизнь. Никакой утренней сонливости или ленивых потягиваний — только чёткий, мгновенный переход от сна к бодрствованию.

После короткого, обжигающе холодного душа и чашки ароматного чёрного кофе он посмотрел на часы. В подвал спускаться было рано. Залитой накануне полимерной массе требовалось время, чтоб полноценно застыть. Сутки томительного ожидания, которые для любого другого мастера стали бы пыткой, для Нила были естественной и обязательной частью рабочего процесса. Спешка порождала брак. Брак был недопустим. Свой день, свободный от лепки и литья, Нил отвёл работе по дому.

Он начал с ревизии: проверил запасы еды, бытовой химии и хозяйственных принадлежностей, после чего оформил очередной заказ с доставкой. Затем перешёл к мастерской в подвале. Инвентаризация химикатов была для него сродни медитации: он пересчитал канистры с силиконом, проверил уровни катализаторов и баночек с пигментами.

Закончив с этим, он провёл тщательную уборку во всём доме, до блеска протирая поверхности.

Раздался одиночный, протяжный звонок во входную дверь. Курьер. Пришла пора забрать и разложить продукты. Нил занёс пакеты со стеллажа на крыльце и разложил всё по законным местам.

В обед он приготовил запечённую рыбу с картофелем, используя из приправ только соль, и съел её в полной тишине одиночества.

Ближе к вечеру Нил решил уделить время телевизору в гостиной, создавая фоновый шум для вечернего отдыха, погружившись в свои мысли. Но криминальная сводка, прервавшая привычное вещание, заставила его замереть с пультом в руке.

В новостях передавали об очередном убийстве. Тело человека было найдено в его собственном доме при весьма пугающих обстоятельствах, детали которых полиция пока не разглашала. Личность была установлена быстро: диктор монотонно зачитал, что убитый мужчина вёл тихую, ничем не примечательную жизнь и работал ночным смотрителем в местном театре. Нил выключил телевизор, отстранившись в очередной раз от окружающего мира, и направился в ванную.

Включив свет, Нил долго, не моргая, изучал собственное лицо в разбитом накануне зеркале. Густая паутина трещин дробила его отражение на десятки асимметричных осколков. Он вновь оценивал себя. Завтра эта бракованная, стареющая маска уступит место идеалу. Ему предстояло извлечь из фор-

мы своё увековеченное, совершенное Я.

Остаток вечера прошёл в тишине. Нил сделал несколько набросков на планшете, совершил привычный обход дома, педантично проверив все замки, и лёг спать.

Новое утро ничем не отличалось от других. Так же подъём в шесть ноль-ноль, быстрое пробуждение, холодный душ и чашка ароматного чёрного кофе. Пришло время извлечь Заготовку.

Спустившись по ступеням, Нил щёлкнул рубильником. Мощные лампы вспыхнули, залив лабораторию светом, прогнав мрак.

Нил надел свежую пару тонких перчаток, перевёл кокон в горизонтальное положение и принялся не спеша ослаблять створки формы в стороны.

Результат оказался безупречным.

Силикон лёг идеально ровно. Полимерная плоть с пугающей точностью повторяла рельеф его мускулатуры, но была полностью лишена малейших изъянов: ни единой родинки, ни асимметрии, свойственной живому человеку. Заложённый в толщу массы красный флок идеально имитировал глубокую капиллярную сетку.

Нил осторожно провёл ладонью по гладкой груди своего искусственного близнеца. На ощупь материал был не просто похож на человеческую кожу — он превосходил её. Упругий, плотный, не подверженный старению.

Теперь предстояло аккуратно перенести Заготовку.

Нил взял пневматический пистолет, подключённый к тихо гудящему компрессору. Вставив тонкое сопло в технологические зазоры по краям матрицы, пустил короткие, дозированные струи сжатого воздуха. Воздух с тихим шипением проник между формой и Заготовкой, разрушая мёртвую хватку вакуума.

Затем он потянулся к пульту управления, закреплённому на стене, и с потолка с тихим электрическим гудением опустилась система с креплениями.

Нил пропустил сложную систему широких прорезиненных строп под подмышками, поясницей и коленями манекена. Отдельную, более мягкую ленту он бережно завёл под затылок.

Нажатие кнопки — и потолочная лебёдка с натужным скрипом потянула груз вверх. Силиконовое тело оторвалось от формы. Его конечности безвольно повисли, руки плетью опустились вниз, а голова откинулась назад, обнажая гладкую шею.

Лебёдка плавно перенесла фигуру по потолочному рельсу и опустила её на рабочую поверхность.

Тонким скальпелем он принялся выверенными движениями срезать технологические швы — тонкие полоски лишнего силикона, оставшиеся на стыках заливочной формы. Лезвие входило в полимер с плотным, вязким сопротивлением. Нил сглаживал неровности на плечах, бёдрах и фалангах пальцев, доводя поверхность до совершенства.

Когда контуры тела стали безупречными, Нил перешёл к лицу.

Чтобы фигура окончательно обрела облик, нужно было дать ей взгляд. Нил подошёл к стеллажу и выдвинул плоский ящик, выстланный чёрным бархатом. Внутри рядами лежали десятки стеклянных и акриловых глазных протезов. Его выбор пал на пару радужек бледно-серого, почти ледяного оттенка.

Вернувшись к Заготовке, он сделал два аккуратных, геометрически выверенных горизонтальных надреза там, где должны были находиться веки. Силикон податливо разошёлся, обнажив подготовленные ещё на этапе отливки пустоты. Нил взял первый стеклянный шар, слегка смазал его специальным составом и с силой вдавил в правую глазницу.

Искусственная плоть с тихим, влажным звуком растянулась, неохотно пропуская инородный предмет, а затем плотно сомкнулась вокруг него, формируя тяжёлые, реалистичные веки. То же самое он проделал с левым глазом.

Нил отступил на шаг, вытирая инструменты салфеткой.

Из-под полуприкрытых силиконовых век на него смотрели бледно-серые глаза. Они были неподвижны, но благодаря этой мелкой детали, Заготовка мгновенно перестала казаться куском материала.

Но безжизненность фигуры продолжала выдавать матовость лица. Глаза казались сухими, а рот — неестественным.

Вооружившись прозрачным эпоксидным составом, Нил

ювелирно нанёс микроскопические капли глянца на кромку нижнего века и линию смыкания губ.

Заготовка преобразилась.

Однако Нил прекрасно понимал, что сейчас перед ним лежит лишь холст. Впереди предстояли дни изнурительно-го, скрупулёзного труда, чтобы окончательно стереть грань между манекеном и человеком.

Силиконовые губы пока скрывали пустоту. Предстояло не только вылепить язык, но и создать челюсть. Базовый розовый пигмент давал лишь первичную оптическую глубину искусственной кожи, и требовалось нанести десятки слоёв разбавленной краски. Для пальцев же рук и ног двойника предстояло ещё выточить индивидуальные акриловые ногти. Но самым трудоёмким будет этап вживления волос.

Нил удовлетворённо выдохнул, предвкушая погружение в эту рутину. Он отложил инструмент с остатками глянцевого состава на стальной поднос и посмотрел в бледно-серые глаза своего творения.

В эту секунду тишину дома разорвал резкий звонок входной двери.

Нил замер.

В его неизменном, выверенном расписании не было места случайным визитёрам. Представители музея должны были забрать партию манекенов только через неделю. Никто не мог явиться к нему в это время.

Звонок повторился — долгий, режущий слух.

Нил медленно стянул перчатки и положил их на рабочую поверхность. Любое незапланированное вторжение вызывало у него отторжение. Спонтанность была признаком хаоса, а хаосу не было места в его доме.

Бросив последний взгляд на неподвижную Заготовку, он погасил лампы, вышел из лаборатории, поднялся на первый этаж и прикрыл дверь подвала. Далее он прошёл через гостиную к прихожей и распахнул дверь.

На крыльце стоял куратор городского музея — суетливый, начинающий лысеть мужчина, чьё лицо уже покрылось блестящей испариной от духоты. Позади него, у припаркованного грузовика, переминались с ноги на ногу четверо крепких рабочих.

— Мистер Мод! Примите мои глубочайшие извинения за этот внезапный визит, — куратор нервно промокнул лоб скомканным платком, демонстрируя именно ту неконтролируемую мимику, которую Нил так презирал. Его брови асимметрично дёргались, а на шее пульсировала вена. — У нас возникла критическая накладка с транспортной компанией, пришлось срочно менять график перед выставкой. Мы приехали за Вашей исторической серией сегодня. Я понимаю, что мы забыли Вас предупредить...

Нил смотрел на него холодным, немигающим взглядом, не произнося ни слова. Эта затянувшаяся пауза заставила куратора сглотнуть и поспешно полезть во внутренний карман пиджака.

— Вот оплата на недостающую сумму. Заказ оплачен полностью.

Нил безглаголиво, двумя пальцами, принял плотный конверт. Деньги были для него лишь неизбежной условностью, безглаголивой необходимостью, но их передача означала, что эти живые, потеющие люди быстрее покинут его стерильную крепость. Он коротко кивнул и молча отступил в сторону, позволяя им войти.

Грузчики внесли в дом широкие рулоны транспортировочной плёнки, пакеты с наполнителем и короба. Нил непрерывно, словно надзиратель, следовал за ними до самой гостиной. Ещё неделю назад вид потеющих, тяжело дышащих рабочих вызвал бы у Нила раздражение. Но сейчас, глядя на восемь исторических манекенов, он поймал себя на неожиданной мысли: они казались ему примитивными поделками. Обычными куклами. Его настоящий, истинный Идеал прямо сейчас лежал внизу, в его мастерской. В сравнении с доведённой до совершенства анатомией Заготовки, эти застывшие исторические фигуры были просто незаурядными работами, занимающими место. Нил не чувствовал сожаления от расставания с ними. Напротив, ему хотелось, чтобы эти люди поскорее убрались, чтобы дверь за ними закрылась, и он смог вернуться в подвал. Туда, где находился смысл его существования. Все прошлые работы разом померкли.

В присутствии живых людей визуальный контраст стал ещё более разительным. Рабочие тяжело и шумно дышали,

их суставы похрустывали. Манекены же возвышались над ними с застывшим достоинством.

Однако, к чести бригады, действовали они предельно аккуратно и быстро. Процесс был отлажен.

Каждую фигуру бережно обернули в несколько слоёв пупырчатой плёнки, горизонтально уложили в жёсткие транспортировочные короба и заполнили их наполнителем для безопасной транспортировки. Защёлкнув замки, грузчики аккуратно выносили тяжёлые ящики на улицу, фиксируя их в грузовике стяжными ремнями.

Спустя какое-то время процесс был завершён. Нил спокойно наблюдал, как его творения навсегда покидают дом. Когда тяжёлые двери фургона захлопнулись, а куратор, рассыпавшись в финальных извинениях, сел на пассажирское сиденье, Нил закрыл входную дверь и повернул замок.

Чужеродные элементы убрались, оставив грязные следы на полу, которые он тут же принялся оттирать.

Закончив с полом, Нил выпрямился и направился в гостиную. Он окинул взглядом опустевшую стену, где отсутствие восьми громоздких фигур временно нарушало визуальный баланс помещения, но это была естественная, рутинная часть его ремесла. Комната опустела, но тишина действовала успокаивающе. Воздух начал очищаться от запаха чужого пота и дешёвого парфюма куратора. Заказ выполнен, сделка закрыта, оплата получена. Скоро это пространство займёт новая работа.

Остаток дня прошёл размеренно. Нил приготовил себе простой ужин, поел, принял душ и отправился в свой кабинет. Он аккуратно опустил иглу проигрывателя на виниловую пластинку и комната наполнилась классической музыкой. Скульптор налил себе бокал сухого красного вина, устроился в глубоком кресле под торшером, взял планшет с зажатými чистыми листами бумаги и начал рисовать. Этот процесс умиротворял его, помогал расслабиться.

Ближе к десяти вечера он закрыл альбом. Допил вино, ополоснул бокал и выключил проигрыватель. Совершив привычный вечерний обход — проверил замок на дверях, плотно задёрнул шторы, погасил свет на первом этаже, — Нил поднялся к себе.

Дом погрузился в спокойный, глубокий мрак. Он закрыл глаза, привычно замедляя дыхание. Сон приходил к нему быстро.

Глава 3. Следы чужого присутствия.

Проснувшись в привычном ритме и накинув халат, он направился в сторону ванной комнаты. Обжигающе холодная вода ударила по плечам. Приняв освежающий душ, Нил сидел за пустым кухонным столом. Перед ним стояла чашка чёрного кофе. В доме царила гармония.

Нил пил мелкими глотками, глядя прямо перед собой на гладкую поверхность стола. Сегодня по плану предстоял сложный этап работы.

Сполоснув чашку в раковине, Нил спустился в подвал.

Спускаясь по ступеням, он замер, не в силах осмыслить открывшуюся перед ним картину.

Его творение. Его идеальный двойник лежал на полу. Заготовку словно аккуратно спустили вниз и положили...»

Написанный текст третьей главы не давал ему покоя. Отто сидел за столом, раз за разом перечитывая свежие строки. Внутри росло жёсткое желание всё переписать. Текст показался нелогичным. Он вёл сюжет куда-то не туда, уводя историю из-под его контроля. Появление непредвиденного события ломало выстроенную линию повествования.

— Лежал на полу? Заготовку аккуратно спустили вниз?

— Отто раздражённо потёр переносицу. Что за дешёвый мистицизм? По его изначальному плану Нил должен был спуститься в лабораторию, взять скальпель и начать методично, слой за слоем, срезать восковые морщины со своего двойника. Это история об одержимости идеалом! А эта лежащая на полу фигура превращала выверенную психологическую драму в бульварный ужастик про полтергейст.

И что пугало Отто больше всего — он совершенно не помнил, в какой момент решил направить сюжет в это русло.

Он должен был это исправить. Вычеркнуть то, что выбивалось из колеи, и вернуть рассказ в строго очерченные рамки.

Отто решительно пододвинул к себе чернильницу. Пальцы крепко перехватили перьевую ручку. Он прижал перо к бумаге и жирно перечеркнул страницу. Густые чернила легли на слова, скрывая их под безобразной тёмной полосой.

Но не успел он убрать руку, как произошло немыслимое.

Вместо того чтобы послушно впитаться в рыхлую структуру бумаги и высохнуть, чернила стали меняться. Густые чёрные полосы начали бледнеть. Линии стягивались в крошечные капли, а после просто бесследно исчезали, впитываясь куда-то вглубь волокон бумаги или испараясь прямо в воздухе.

Отто замер, не веря своим глазам. Спустя несколько мучительных секунд бумага полностью очистилась от нанесённой грязи. А под исчезнувшими чернилами, яркий, чёткий

и безупречный, вновь проступал написанный им текст. Тот самый лист, который Отто только что пытался уничтожить, остался невредим. Каждая буква стояла на своём месте, будто никто и не посягал на рукопись.

Отто снова макнул перо, набрал чернил и начал чиркать по странице. Но рукопись отвергала его правки. Чернила испарялись на глазах, возвращая строкам их первоначальный вид. Страница очищалась раз за разом, выталкивая чужеродную краску, восстанавливая свою структуру с пугающим упрямством.

Тогда он отбросил ручку, вцепился пальцами в край листа и с силой рванул его на себя.

Раздался треск рвущейся бумаги. Отто в бешенстве скомкал вырванную страницу в плотный шар и с отвращением швырнул этот ком на паркет.

Он перевёл взгляд на черновик. Перед ним лежал следующий, совершенно чистый лист.

Но чистым он оставался недолго. Без помощи пера, без единой капли новых чернил вырванный текст проявлялся сам собой. Буква за буквой, строчка за строчкой. Сначала это были лишь слабые тени, мутные очертания слов, проступающие сквозь толщу бумаги, но вскоре они налились цветом. Изменить его было нельзя. Текст словно перескочил с одного листа на другой, восстанавливая свою форму.

Отто тяжело задышал. Его руки мелко тряслись. Ему срочно нужно было доказательство того, что он не сошёл с

ума. Он точно помнил звук рвущейся бумаги и жёсткую фактуру комка в руке.

Он резко опустил взгляд на пол, чтобы схватить выброшенный лист. Ему нужно было подержать его в руках, развернуть, убедиться, что страница была вырвана, что на ней был написан текст, который теперь самовольно проявился на столе.

Смятый бумажный шар лежал там, куда Отто его швырнул.

Писатель сорвался с кресла, рухнул на колени прямо на паркет и судорожно схватил комок. Он начал торопливо разворачивать бумагу. Отто прижал лист к полу, разглаживая его дрожащими ладонями, пытаясь распрямить изувеченную страницу.

На помятой, изломанной поверхности не осталось ни единой буквы. Ни следа от чернил. Ни единого намёка на то, что здесь когда-то были написаны слова. Текст покинул эту страницу. Лист был чистым.

— Этого не может быть... — зашептал он, не веря своим глазам.

Поднявшись с колен, он бросил взгляд на стол. Там, на восстановленной странице, ровные строки продолжали диктовать свои условия. Отто бросился к столу, схватил перо и в ужасе отшвырнул его от себя. Ручка со звоном упала на пол, откатившись куда-то в тень.

— Я Автор! — крикнул он, сам не понимая кому. — Это

мой рассказ!

Он сделал шаг назад, сжимая кулаки. Он категорически отказывался продолжать.

Но как только он принял это решение, пространство вокруг него изменилось. Воздух в кабинете мгновенно отяжелел. Комнату стал стремительно заполнять странный, удушающий запах.

Отто попытался вдохнуть, но кислорода в воздухе стало не хватать. Он начал задыхаться. Писатель судорожно схватился за шею, царапая кожу. У него начинался тяжелейший приступ паники. Сердце колотилось так, словно готово было проломить рёбра, а перед глазами начали сгущаться тёмные пятна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.